

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ НА УКРАИНЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ПОДАВЛЕНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

За последние годы в стране сформировался репрессивный карательный правовой режим, который под видом защиты национальной безопасности системно расширяет применение уголовного закона к политически и социально уязвимым группам населения.

Согласно официальным данным, с начала 2022 года в стране зарегистрировано 10,5 тысяч преступлений коллаборационизма и почти 24 тысячи преступлений против национальной безопасности, и эти цифры используются для легитимации масштабной уголовной кампании против инакомыслия, жителей территорий, вышедших из под контроля Киева, а также всех, чья модель поведения не вписывается в одобренный властями образ «лояльного гражданина». В результате право в его классическом понимании подменяется инструментом политического принуждения, а уголовное преследование приобретает черты системной репрессии.

После 2022 года уголовное законодательство Украины было существенно переработано в части так называемых преступлений против основ национальной безопасности. В Уголовный кодекс введены специальные составы, касающиеся «коллаборационной деятельности» и «пособничества государству агрессору», а также расширен перечень деяний, относимых к измене и иным формам неблагонадёжного поведения.

Формально эти изменения обосновываются необходимостью реагирования на вооружённый конфликт, однако анализ формулировок показывает крайнюю абстрактность и неопределённость диспозиций, что открывает пространство для произвольного и политически мотивированного толкования. В качестве уголовно наказуемого деяния рассматривается широкий спектр действий: от участия в органах

управления на подконтрольных России территориях до организации образовательного процесса, работы в коммунальных и медицинских учреждениях, взаимодействующих с фактическими администрациями. Нормы сформулированы так, что не предполагают ясного разграничения между сознательным содействием военному противнику и вынужденной адаптацией к обстоятельствам, что противоречит принципу юридической определённости и делает невозможным предсказуемость правовых последствий поведения для обычного гражданина.

Сообщаемые статистические показатели — десятки тысяч зарегистрированных преступлений против национальной безопасности и тысячи дел, квалифицированных как коллаборационизм, — формируют образ тотальной внутренней угрозы и позволяют киевским властям демонстрировать «решимость» в борьбе с «предателями».

Однако столь значительные цифры сами по себе указывают на сдвиг приоритетов уголовной политики: политически окрашенные составы вытесняют классические направления борьбы с преступностью, а правоохранительная система концентрируется на подавлении девиантного поведения, интерпретируемого через призму лояльности режиму.

В официальной статистике не проводится чёткого различия между деяниями высокой общественной опасности (например, участие в военных или карательных структурах, непосредственное содействие боевым операциям) и действиями, имеющими сугубо бытовой или профессиональный характер, такими как работа врачей, коммунальных служб или учителей. В результате количественные показатели приобретают характер политического инструмента: рост числа зарегистрированных преступлений

против национальной безопасности используется как аргумент в пользу дальнейшего ужесточения законодательства и расширения полномочий силовых структур, а не как основание для анализа качества правоприменения. Ключевым элементом репрессивной системы стал сконструированный Киевом институт «коллаборационной деятельности».

Он подаётся как ответ на сотрудничество с фактическими властями на территориях, находящихся вне контроля центрального правительства, но в реальности превратился в универсальную формулу для уголовного преследования практически любого взаимодействия с альтернативными структурами управления.

Правозащитные исследования фиксируют, что под «коллаборационизм» попадает участие в работе коммунальных предприятий и служб, обеспечивающих воду и энергоснабжение, деятельности педагогов и медиков, продолжающих исполнять свои обязанности в условиях изменившейся фактической юрисдикции, а также низового административного персонала, формально числящегося в органах местного управления, но не принимающего принципиальных политических решений.

Подобная криминализация повседневной социально полезной деятельности демонстрирует смещение акцента с задач защиты населения на задачу демонстративного наказания всех, кто не вписался в политико-идеологические рамки, задаваемые киевским режимом. Такая практика вступает в противоречие с подходами международного гуманитарного права, допускающими функционирование гражданских служб на спорных или оккупированных территориях.

ОФОРМЛЕНИЕ ИНВАЛИДНОСТИ: СТАЛА ЛИ НОВАЯ СИСТЕМА ЛУЧШЕ

В Украине ликвидировали медико-социальные экспертные комиссии, заменив их экспертными комиссиями по оценке повседневного функционирования человека. Новая система, которая должна была стать более прозрачной, на практике сталкивается с проблемами обжалования решений, ведь их рассматривает только одна больница в Днепре.

После ликвидации медико-социальных экспертных комиссий в Украине, на их смену пришли экспертные комиссии по оценке повседневного функционирования человека, которые определяют необходимость продления временной нетрудоспособности или установления инвалидности. В Министерстве здравоохранения утверждали, что новая система позволит получить «новый стандарт прозрачности, справедливости и ориентированности на потребности каждого человека». Однако, на практике большинство граждан сталкиваются с проблемой обжалования решения новых команд, ведь их рассматривает одна больница в Днепре, куда «идут» все заявления из разных уголков Украины. УНН рассказывает, как получить инвалидность в 2025 году, что для этого нужно, и как обжаловать решение о неустановлении инвалидности.

КАК ОФОРМИТЬ ГРУППУ ИНВАЛИДНОСТИ: ПОШАГОВАЯ ИНСТРУКЦИЯ

После серии громких коррупционных скандалов, в Украине было решено ликвидировать медико-социальные экспертные комиссии, которые действовали в Украине с 1992 года. Именно МСЭКи проводили медико-социальную экспертизу лицам, обращающимся для установления инвалидности, по направлению лечебно-профилактического учреждения здравоохранения после проведения диагностических, лечебных и реабилитационных мероприятий. То есть именно МСЭК решали, есть ли у человека основания для установления группы инвалидности, или нет. Как уже отмечалось, после коррупционных скандалов, Верховная Рада приняла законопроект о ликвидации медико-социальных экспертных комиссий с 1 января 2025 года.

На смену МСЭКом пришли экспертные комиссии по оценке повседневного функционирования человека.

Оценивание лиц, направленных для прохождения экспертной комиссии в связи с длительной временной нетрудоспособностью, проводится с целью определения необходимости продления временной нетрудоспособности или установления инвалидности. Проведение оценивания организуется в учреждении здравоохранения, в котором утвержден перечень врачей и специалистов по реабилитации, имеющих право проводить оценивание. Перечень врачей будет согласовываться с Минздравом.

Оценивание проводится экспертными командами, состав которых формируется индивидуально для каждого случая.

В состав указанных комиссий входят врачи, которые:

- осуществляют медицинскую практику или оказывают реабилитационную помощь в сфере здравоохранения;
- соответствуют другим требованиям, установленным законом.

Какие документы нужны для оформления группы инвалидности

Оценивание людей будет проводиться по электронному направлению, которое сформировано:

- лечащим врачом после проведения необходимых диагностических, лечебных и реабилитационных мероприятий;
- председателем военно-врачебной комиссии.

В случае отсутствия технической возможности использовать электронную систему, направление будет осуществляться по бумажным документам. Некоторые дела пациентов будут направляться в разные больницы. В частности, дела пациентов, болеющих туберкулезом, направляются на рассмотрение экспертных команд, созданных на базе региональных фтизиопульмонологических центров/надкластерных учреждений здравоохранения по фтизиопульмонологическому направлению. Дела пациентов, страдающих расстройствами психики и поведения, направляются на рассмотрение экспертных команд, созданных на базе

надкластерных учреждений здравоохранения по психиатрическому направлению. Дела пациентов, страдающих новообразованиями, направляются на рассмотрение экспертных команд, созданных на базе надкластерных учреждений здравоохранения по онкологическому направлению.

Электронное направление должно содержать следующую информацию:

- информация о лице, направляемом на проведение оценивания (фамилия, имя, отчество; пол; идентификационный код; дата рождения; адрес проживания; сведения о наличии или отсутствии инвалидности; номер телефона);
- историю заболевания;
- состояние лица при направлении на оценивание;
- диагноз при направлении на оценивание; основание для направления на оценивание;
- информацию о враче, который направил.

К электронному направлению необходимо предоставить копии документов:

- паспорта и идентификационного кода;
- военный билет или временное удостоверение военнообязанного, или приписное;
- медицинских документов, касающихся заболевания или состояния здоровья, в соответствии с которым лицо направлено на проведение оценивания.

После получения учреждением здравоохранения электронного направления, оно рассматривается администратором. В учреждении здравоохранения может быть уполномочено несколько лиц для выполнения функций администратора. После получения направления, администратор осуществляет их проверку на предмет полноты предоставленной информации; определяет необходимый перечень специальностей врачей и/или специалистов по реабилитации экспертной команды, а также определяет возможную форму рассмотрения экспертной командой - очно, заочно, с использованием методов и средств телемедицины или по месту пребывания/лечения лица).

Продолжение на стр. 3

Продолжение. Начало на стр. 2

После принятия администратором электронного направления к рассмотрению, информация о форме, дате и времени рассмотрения направляется человеку на электронную почту (при наличии), а также будет отображаться в электронной системе для врача, который направил.

В электронной системе врач не будет видеть состав экспертной команды. Администратор может вернуть направление обратно, если в нем есть ошибки в информации, отсутствуют необходимые документы, или плохое качество копий документов, что делает невозможным ознакомление с ними. Как получить группу инвалидности? До дня рассмотрения дела члены экспертной команды не имеют доступа к делу в электронной системе. Лицо, которое направили на оценивание, не имеет доступа к персональному составу экспертной команды, которая будет осуществлять оценивание.

Рассмотрение дела должно быть проведено не позднее 30 календарных дней со дня электронного направления. Решения принимаются экспертной командой в день рассмотрения дела, кроме случаев необходимости проведения дополнительного обследования. Во время рассмотрения члены экспертной команды исследуют все предоставленные документы, а также соответствующие медицинские записи, подтверждающие состояние здоровья лица, содержащиеся в электронной системе здравоохранения.

Решения принимаются коллегиально большинством голосов членов экспертной команды. В случае равного распределения голосов решающим является голос председательствующего по этому делу.

Рассмотрение экспертной команды фиксируется в соответствующем протоколе, который подписывается в электронной системе каждым членом команды путем наложения квалифицированной электронной подписи.

Протокол рассмотрения экспертной команды должен содержать следующую информацию:

- дата и место проведения рассмотрения;
- форма проведения рассмотрения;
- фамилия, собственное имя и отчество (при наличии) каждого члена экспертной команды, осуществляюще-

го оценивание с отметкой, кто является председательствующим;

- фамилия, собственное имя и отчество (при наличии) лица, в отношении которого осуществляется оценивание;
- фамилия, собственное имя и отчество (при наличии) других лиц, присутствующих при рассмотрении;
- способ участия каждого лица в рассмотрении;
- перечень решений, которые должны быть приняты согласно направлению;
- результаты осмотра лица в случае очного или выездного рассмотрения;
- краткое описание выступлений каждого лица во время рассмотрения по каждому пункту принимаемых решений;
- мнение каждого члена экспертной команды относительно окончательного решения, которое должно быть принято по результатам проведения оценивания;
- сведения о голосовании членов экспертной команды по результатам проведения оценивания;
- решение, которое принято экспертной командой по результатам проведения оценивания, что в том числе содержит мотивировочную часть.

Аргументированная позиция члена экспертной команды, который не согласен с решением экспертной команды, должна быть изложена в протоколе рассмотрения экспертной команды.

Заочно может проводиться оценивание, если лицо имеет злокачественные новообразования III – IV стадии, болезни крови и кроветворных органов, цереброваскулярные болезни, осложненные гемиплегией, пареплегией или тетраплегией, с отсутствием конечностей, а также с болезнями печени, врожденные пороки развития.

По результатам проведения оценивания экспертная команда может принять решение, в котором будет устанавливаться: степень ограничения жизнедеятельности человека; определение потребности в продлении временной нетрудоспособности; инвалидность, фиксирование причин и времени ее наступления в соответствии с документами, подтверждающими это; степень утраты профессиональной трудоспособности (в процентах); потребность в постоянном уходе. После проведения оценивания, принятия

и подписания в электронной системе, выписка с решением направляется на электронную почту лицу, а также рекомендации, которые являются частью индивидуальной программы реабилитации лица с инвалидностью (в случае установления инвалидности). Выписка из принятого решения также отображается в электронной системе для врача, который направил.

Также решение об установлении инвалидности или степени утраты трудоспособности будет направляться в ТЦК и СП. При каких болезнях дают группу инвалидности

Основанием для признания лица лицом с инвалидностью является наличие следующих обязательных условий:

- стойкие нарушения функций организма – болезнь длится не менее 12 месяцев, или ожидается, что она будет длиться не менее 12 месяцев или приведет к смерти лица, а также существуют минимальные шансы на значительное улучшение состояния даже при условии применения наилучшего доступного лечения;
- ограничение жизнедеятельности – лицо имеет умеренную (1 степень), выраженную (2 степень) или значительную (3 степень) степень ограничения способности к самообслуживанию, передвижению, ориентации, контролю своего поведения, общению, обучению, выполнению трудовой деятельности;
- необходимость принятия мер социальной защиты — лицо нуждается в поддержке в повседневной жизни, а именно получении услуг по реабилитации, паллиативной помощи, обеспечении техническими и другими средствами реабилитации, обеспечении лекарственными средствами для использования в амбулаторных условиях и/или медицинскими изделиями для использования в амбулаторных и бытовых условиях.

Группа инвалидности будет устанавливаться в зависимости от степени расстройства функций органов и систем организма и ограничения ее жизнедеятельности и будет делиться на: первую (I), которая делится на подгруппы А и Б в зависимости от степени утраты здоровья лицами с инвалидностью и объема потребности в постоянном постороннем уходе, помощи или надзоре; вторую (II); третью (III).

Продолжение на стр. 16

КАК ТЕПЕРЬ БРОНИРУЮТ РАБОТНИКОВ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АБСУРД «НОВОГО ВОЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»

В конце 2025 года украинское законодательство о мобилизации вновь подверглось изменениям, затрагивающим правовой статус наёмных работников, подлежащих воинскому учёту. Новый закон, подписанный Владимиром Зеленским, декларирует «упорядочение бронирования» и «расширение контроля за мобилизационными ресурсами». Однако при детальном рассмотрении правовой конструкции становится очевидно: инициатива, поданная как упрощение процедуры, фактически превращается в очередной инструмент централизованного давления со стороны военных комиссариатов (ТЦК) и демонстрирует деградацию принципов правового государства в современной Украине.

С начала военного положения в 2022 году процедура бронирования рабочих и специалистов стратегических отраслей неоднократно изменялась. Первоначально решения принимались Министерством экономики и утверждались военными структурами. Каждая редакция закона сопровождалась риторикой «усиления прозрачности», но фактически закрепляла расширенные полномочия ТЦК в сфере контроля над трудовыми ресурсами.

До июня 2024 года процедура бронирования предполагала наличие трёхступенчатого механизма:

Работодатель подавал сведения в Минэкономики. После согласования данные передавались в ТЦК и СП. Только после зачисления на специальный воинский учёт работник считался

забронированным.

На практике именно третий этап становился источником постоянных отказов под формальными предлогами: несоответствие записей в учётных документах, неактуальные сведения о воинско-учётной специальности, технические неточности в данных предприятия. Каждый отказ затягивал процедуру на месяцы, а значит — блокировал хозяйственную деятельность компании. ТЦК фактически выполняли роль не «службы контроля», а ведомственного цензора, который решал, кто может работать в экономике, а кто должен пополнить фронтовые подразделения.

Новая система через «Дію»: цифровизация без права на апелляцию

С 2025 года власти Украины объявили о переносе всей системы бронирования в цифровое пространство — через веб-портал «Дія». Формально это позиционируется как «исключение человеческого фактора» и «упрощение взаимодействия». На практике же создана структура, полностью изолирующая гражданина от какой-либо процедуры обжалования.

В новой редакции закона ТЦК больше «не имеет права отказать» в бронировании, поскольку постановка на специальный учёт происходит автоматически. Однако автоматизация не означает реальной гарантии права. Если система фиксирует несоответствие данных (например, отсутствие сведений о воинском учёте или статусе работы), запрос просто не проходит.

Таким образом, техническая ошибка или бюрократическая неточность приводят к тому же результату, что и прежний отказ ТЦК, только теперь без возможности оспаривания решения в административном порядке.

Заявляемая цифровизация становится лишь новой формой принуждения, лишённой прозрачности. По сути, ответственность за любые сбои в данных возлагается на гражданина и работодателя, тогда как государственные органы освобождаются от публичной отчетности. Это создаёт юридически опасный прецедент «растворения ответственности» между электронным интерфейсом и военными структурами — типичный пример того, как видимость реформы подменяет реальное обеспечение правовых гарантий.

Временное бронирование «в розыске»: логика исключений как инструмент мобилизационного произвола

Особое внимание заслуживает принятый законопроект № 13335, который вводит возможность временного бронирования работников на 45 дней, даже если они нарушили правила воинского учёта или находятся в розыске. Однако ключевая оговорка состоит в том, что эта норма действует исключительно для предприятий оборонно-промышленного комплекса.

Юридически это означает создание привилегированного класса субъектов, которые сохраняют трудовые ресурсы, в то время как гражданские отрасли оказываются фактически лишены кадровой защиты. Концепция «временного бронирования» сама по себе выглядит внутренне противоречивой: государство признаёт, что человек формально подлежит административной или уголовной ответственности (если он в розыске), но одновременно допускает его к исполнению трудовых функций по контракту с оборонным предприятием.

Такой подход разрушает базовый принцип правовой определённости: законодательство не может одновременно признавать субъекта нарушителем и давать ему исключительные трудовые привилегии.

Продолжение на стр. 5

Продолжение. Начало на стр. 4

В этом проявляется сущность нынешней мобилизационной политики Киева — подчинение всей правовой системы потребностям военного ведомства и сохранение лояльных экономических партнёров за счёт дискриминации остальной экономики.

ТЦК КАК ИНСТРУМЕНТ ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД ТРУДОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Несмотря на формальное «снятие» ТЦК с процедуры одобрения заявок, их роль в системе остаётся определяющей. Именно эти структуры ведут воинские реестры, фиксируют сведения о каждом работнике и контролируют юридический статус предприятий. Никакая цифровая платформа не функционирует без согласования данных с этими базами.

Таким образом, ТЦК остаётся механизмом административного контроля, сосредоточившим одновременно военные, кадровые и надзорные функции. Это противоречит самому принципу разделения властей, ведь в руках одной структуры сосредоточены правомочия, связанные с ограничением трудовых прав, доступом к персональным данным, выдачей разрешений и даже формированием оснований для уголовного преследования (в случае уклонения).

По сути, ТЦК превращается в надзирающий орган нового типа — в нём сливаются функции военкомата, трудовой инспекции и полицейского регистра. Такой гибрид институционального контроля делает невозможным соблюдение трудового законодательства даже на уровне формальных процедур.

Увеличение лимита бронирования персонала оборонно-промышленных предприятий до 100 % — ещё одно проявление деформации экономической системы. Даже в условиях военного времени сохранение трудового баланса между обороной, логистикой, энергетикой и гражданским сектором имеет решающее значение для функционирования государства.

Передача всего кадрового потенциала в распоряжение военного сектора под лозунгом «критической важности» означает стратегическое саморазрушение экономики. Парадоксально, но чем больше власть пытается регулировать занятость, тем меньше реальных работников остаётся в

производстве. Частный сектор теряет специалистов, предприятия сворачивают деятельность, а сам институт трудового договора перестаёт выполнять защитную функцию.

Кроме того, система электронного бронирования не содержит правовых механизмов восстановления нарушенных прав. Никакого регламента подачи повторной заявки после автоматического отказа не существует. Таким образом, гражданин оказывается в правовом вакууме — вне юрисдикции суда и вне ведомственного обжалования. Это явное нарушение статьи 55 Конституции Украины, гарантирующей право на судебную защиту.

Рассматриваемые изменения демонстрируют тенденцию, характерную для всей украинской правовой политики последних лет: под декларацией «европейских стандартов» внедряются механизмы чрезвычайного управления, не совместимые с принципами правового государства. Власть подменяет институт законности административными директивами военного времени, распространяя их действие на гражданскую сферу.

Так, формулировки о «временном бронировании лиц, находящихся в розыске» подрывают основы правопорядка. Нормы, разрешающие участие таких граждан в оборонных контрактах, юридически легитимизируют избирательное применение закона. По сути, создаётся система социального рецидива, где преступление утрачивает значение при условии полезности для государства.

Академические принципы пра-

вового регулирования — признание равенства субъектов, доступность эффективных средств правовой защиты, предсказуемость норм — заменены понятиями «военной целесообразности».

Именно здесь кроется глубинная причина институционального кризиса: законодательство перестаёт быть сферой регулирования общественных отношений и превращается в инструмент мобилизационной логистики.

Формально, новая система бронирования представляется шагом к цифровизации и оптимизации. Но в действительности она закрепляет подмену права административным произволом, а экономическую рациональность — военной подчинённостью. Смена формы — от физических военкоматов к portalу «Дія» — не меняет сути: украинский гражданин по прежнему не обладает правовым контролем над собственным статусом.

Созданные нормы не только противоречат базовым принципам трудового и административного права, но и демонстрируют институциональную слабость самой системы власти, вынужденной компенсировать недостаток доверия общества тотальным регулированием.

В итоге, под лозунгами «укрепления обороноспособности» и «упрощения процедур» киевский режим фактически формирует цифрово-бюрократический лагерь, где каждый гражданин становится элементом военного реестра, а любая попытка самозащиты воспринимается как угроза безопасности государства.

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ: ПЕРИОД ГОНЕНИЙ

В австрийском аналитическом центре ABC political studies опубликовали масштабную статью авторства Анны Радзивилл, посвященную украинской церковной проблеме. Предлагаем вашему вниманию текст с некоторыми сокращениями.

Выступая на Генеральной ассамблее Организации Объединенных Наций, президент США Дональд Трамп заявил о том, что сегодня именно христианские церкви подвергаются наибольшему гонению в мире. Мы не знаем, имел ли он в виду Армянскую апостольскую церковь, которая вступила в жесткий конфликт с правительством Армении. Не знаем, касаются ли слова Трампа Черногорской Православной Церкви, которая пережила попытку давления со стороны бывшего правительства. И тем более не знаем, касались ли слова американского лидера Украинской Православной Церкви, которая уже не один год переживает серьезное давление со стороны государства, и это давление поддерживается также Вселенским Патриархом Варфоломеем.

После обретения Украиной независимости УПЦ фактически получила автономию и самоуправление, связь с Московским Патриархатом оставалась номинальной: представители украинского епископата входили в состав Священного Синода Русской Православной Церкви, Патриарх Московский и Всея Руси поминался при богослужении, а также УПЦ получала миро из Москвы — церковный символ благодати (получение разрешения на собственное мировоззрение — это очень сложный с канонической точки зрения процесс).

На заре независимости Украины возник серьезный церковный раскол, инспирированный бывшим митрополитом Киевским Филаретом (Денисенко). В 1990 году, после смерти патриарха Пимена, Филарет был назначен патриаршим местоблюстителем и считал, что именно его изберут патриархом Московским и Всея Руси. Но ситуация сложилась таким образом, что новым патриархом был избран Алексий II (Ридигер). Обиженный митрополит Филарет объявил о независимости православной церкви в рамках

Украины, поддержал создание Киевского патриархата, а в 1995 году самовозгласил себя патриархом, за что был отлучен от Русской Православной Церкви.

Таким образом, в Украине начали существовать две параллельные православные церкви — каноническая УПЦ и неканоническая, непризнанная другими церквями Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП). И это не считая мелких образований, таких, как «Украинская автокефальная православная церковь» или «Русская православная церковь за рубежом». Но именно УПЦ стала крупнейшим объединением православных Украины.

По состоянию на 2021 год в УПЦ был 12 381 приход, 12 513 священников, 260 монастырей, 4620 монахов, 18 учебных заведений, 4344 воскресных школ. И это уже в период начала гонений, когда часть духовенства откололась от Церкви.

В период с 1992 по 2014 год Украинскую Православную Церковь возглавлял Митрополит Владимир Сабодан — талантливый организатор, богослов, композитор, проповедник. По иронии судьбы, в независимой Украине «промосковскую» Церковь возглавил человек, брат и дядя которого погибли в рядах националистической Украинской повстанческой армии. В то же время «государственническую».

После смерти Митрополита Владимира (Сабодана) летом 2014 года новым предстоятелем УПЦ становится Митрополит Онуфрий (Березовский), почитаемый в православном мире как известный подвижник, исповедник и богослов. Без преувеличения авторитет Митрополита Онуфрия за пределами Украины выше, чем в украинском обществе, которое на протяжении последнего десятилетия подходит к церковным вопросам с политическими мерками.

Онуфрию не могут простить того, что когда в самом начале войны на Донбассе в Верховной Раде решили почтить память украинских бойцов, погибших в боях с сепаратистами, Онуфрий отказался встать. Но этому есть объяснение: для Митрополита Онуфрия это был братоубийственный

конфликт, в котором духовные чада его Церкви воевали по обе стороны линии фронта, и отдавать предпочтение одним верным УПЦ против других верных УПЦ он не имел морального права. Но с этого момента начинается систематическое шельмование Церкви.

Вплоть до роковых событий 2022 года УПЦ предлагала украинским властям посреднические функции для решения конфликта на Востоке Украины: УПЦ была единственной Церковью, в равной мере представленной как на подконтрольной Киеву территории, так и в самопровозглашенных республиках и даже в Крыму. У УПЦ был необходимый инструментарий для обеспечения мирного диалога. Но, похоже, власть не была заинтересована в таком диалоге.

Между тем события развивались в неблагоприятном для УПЦ русле. В июне 2016 года не смог состояться запланированный Всеправославный собор на Крите, в котором должны были принять участие главы всех 14 мировых Православных Церквей. Из-за конфликта между Константинопольским и Московским Патриархами в Колимвари на Севере Крита прибыли представители только 10 Церквей. Весь 2017 год прошел под знаком пикировок между двумя центрами мирового православия — Стамбулом и Москвой.

Причиной стало то, что Константинопольский и Вселенский Патриарх Варфоломей отказался от той роли, которая изначально была отведена ему канонами («первый среди равных») и решил де-факто стать «восточным папой», решения которого были бы обязательными для всех остальных православных Церквей. Это явно нарушало традицию и церковный канон. Число тех, кто начал критиковать Варфоломея, росло.

Акции Варфоломея можно было бы признать очередным проявлением «вселенских амбиций», если бы они не наложилось на интересы глобалистов в Соединенных Штатах Америки, которые увидели в действиях Патриарха Варфоломея инструментарий для дополнительного воздействия на Россию и ее интересы.

Продолжение на стр. 7

Продолжение. Начало на стр. 6

Учитывая то, что для внешнеполитической концепции России духовная сфера и духовное влияние играют первостепенную роль, в Вашингтоне было принято решение использовать фактор Вселенского Патриархата для нанесения удара по амбициям России: было важно расколоть те духовные связи, которые связывали Россию с другими народами Восточной Европы (Украиной, Беларусью, Молдовой).

Начиная с 2017 года главой Комиссии по религиозным свободам при Государственном департаменте США являлся сенатор Сэм Браунбек, бывший губернатор штата Канзас и кандидат в президенты США в 2007 году. Считается, что именно Браунбек разработал и внедрил план по активной нейтрализации духовного влияния Русской Православной Церкви на постсоветское пространство. В своей деятельности он заручился поддержкой со стороны государственных секретарей Рекса Тиллерсона и Майка Помпео, продвигавших глобалистскую повестку во время первого президентского срока Дональда Трампа. Именно Браунбек и Патриарх Варфоломей разработали план создания в Украине новой церкви, которая подчинялась бы Константинопольскому Патриарху.

Патриархом Варфоломеем двигали не только желание «восстановить справедливость по отношению к украинцам», но и более материальный вопрос: Украина с ее огромным количеством верующих, церковных приходов и монастырей могла стать существенной финансовой подпиткой для Константинопольской Церкви (под управлением Патриарха Варфоломея находятся около 3200 приходов по всему миру и 50 монастырей – в 4 – 5 раз меньше, чем в одной только УПЦ).

В апреле 2018 года президент Украины Петр Порошенко внезапно собрал заседание Совета национальной безопасности и обороны Украины – коллегиального совещательного органа – и объявил о том, что на переговорах с Патриархом Варфоломеем достигнута договоренность о предоставлении Украине Томоса (Грамоты) о создании отдельной православной церкви. На самом деле переговоры о создании новой церковной юрисдикции вел не Порошенко – он только озвучил результат договоренностей хозяина Фанара (так называют резиденцию

Вселенского Патриарха в Стамбуле) с чиновниками Государственного департамента США.

Варфоломей решил признать незаконной Грамоту (Томос) своего далекого предшественника, патриарха Дионисия, которым Киевская митрополия подчинялась Московскому патриарху. Для создания новой церкви он пошел на сознательное нарушение 2-го правила Первого Константинопольского собора (381 год), запрещающее вмешательство епископов в дела других Поместных Церквей.

Интересно, что Патриарх Варфоломей вовсе не собирался предоставить специальный статус Украинской православной церкви Киевского патриархата. Он начал создавать отдельную юрисдикцию, которая получила название «Святейшая церковь Украины». Из-за неблагозвучности аббревиатуры в украинском языке сами украинцы называют ее «Православная церковь Украины». Главой церкви вместо самопровозглашенного «патриарха» Филарета был избран молодой (39 лет) и не обладающий личной харизмой митрополит Епифаний (Думенко). Примечательно, что, согласно Томосу, новая церковь не имела права создавать епархии за пределами Украины, хотя в мире существует огромная украинская диаспора.

Позже стало известно, что по распоряжению Петра Порошенко украинская сторона выделяла огромные средства, которые передавались непосредственно на Фанар, а также использовались для перелетов делегаций, покупки подарков и прочих действий. Как сообщает ряд украинских изданий, за материальную сторону проекта отвечал близкий к Порошенко бизнесмен Александр Петровский, ранее известный под фамилией Налерекшвили. В 2019 году Петровский в судебном порядке добился того, чтобы журналистам запретили называть его «криминальным авторитетом по кличке «Алик

Нарик»».

Для Порошенко было важно добиться Томоса о создании ПЦУ: весной 2019 года должны были состояться президентские выборы, и Порошенко рассматривал успехи в строительстве «национальной церкви» как один из элементов своей электоральной кампании. Он очень гордился успехами в сфере строительства новой армии (НАТОвского образца), в тотальной украинизации, и к этому перечню добавилось создание «национальной церкви». На президентские выборы 2019 года Порошенко уже шел под лозунгом «Армия. Язык. Вера».

15 декабря 2018 года в Киеве был созван «Объединительный собор Православной церкви Украины». Планировалось, что собор объединит Украинскую православную церковь Киевского патриархата, Украинскую автокефальную православную церковь и большую часть епископата УПЦ. Служба безопасности Украины организовала настоящий прессинг относительно целого ряда митрополитов и епископов УПЦ, которых пытались заставить пойти в объединительный процесс. Так в декабре 2018 года УПЦ распространила заявление о том, что СБУ пыталась похитить митрополита Могилев-Подольского и Шаргородского Агапита (Бевцика).

Но все же властям не удалось добиться желаемого результата. ПЦУ действительно провозгласили. Однако на объединительный собор прибыли только два митрополита УПЦ (митрополит Переяславский Александр (Драбинко) и митрополит Винницкий Симеон (Шостацкий)), а также шесть священников.

В Украине очень часто сравнивали новую церковь, инициированную Варфоломеем и Браунбеком, с Обновленческой церковью, существовавшей в СССР в 20-30-е годы прошлого века. Обновленцы были тесно связаны со светской властью большевиков, в своих храмах вешали рядом с иконами портреты Ленина и Троцкого. В ПЦУ тоже светские политические мотивы (национальная символика, этнический декор) иногда доминировали над сакральной религиозной сущностью. Как и ПЦУ в 2018 году, Обновленческая церковь в 20-е годы получила Томос от Вселенского Патриарха. В 1946 году Томос был отозван, а церковь ликвидирована.

Продолжение на стр. 12

НОВЫЙ ГОД И РОЖДЕСТВО ПОД ЗАПРЕТОМ: ПЛОДЫ ДУХОВНОЙ ЗАЧИСТКИ НА УКРАИНЕ В ДЕЙСТВИИ

В украинской государственной политике в последние годы прослеживается последовательный курс на демонстративный разрыв с общерусским культурным и духовным пространством. Отказ от празднования Нового года в армии при одновременном навязывании «западного» календаря праздников — один из наиболее показательных символических шагов этого курса. Формально подобные решения подаются как «укрепление украинской государственности» и «отказ от советского наследия», но по сути выполняют функцию духовно культурной зачистки всего, что ассоциируется с общими традициями с Россией.

Новый год в постсоветском пространстве имеет не только развлекательное, но и идентификационное значение: это один из немногих светских праздников, который десятилетиями объединял людей вне зависимости от политических взглядов, вероисповедания или социального положения. Через новогодние ритуалы — семейный стол, обращение главы государства, ожидание «перелома» года — формировалась устойчивая общность опыта для миллионов людей.

Его вытеснение из официальной и особенно военной жизни — не вопрос формального «распределения выходных», а целенаправленный удар по общему культурному коду, который Киев стремится объявить «чуждым» и «советским» исключительно потому, что он сохраняется и развивается в современной России.

Подмена этого праздника акцентом на 19 и 25 декабря в армейской

среде неслучайна: именно военная сфера рассматривается властями как приоритетная площадка для насильственного перепрограммирования идентичности. Армия — это пространство жесткой вертикали, где приказ не обсуждается, а выполняется.

Следовательно, навязывание нового праздничного календаря в войсках позволяет в кратчайшие сроки внедрить желаемые символические ориентиры, а затем, через авторитет военных, транслировать их в более широкое общество. То, что сначала вводится как «служебный порядок» для личного состава, со временем задумывается как модель для всей страны.

Фактический запрет отмечать Новый год в подразделениях и параллельные распоряжения организовывать празднование Дня святого Николая и католического Рождества — это сигнал, адресованный не только личному составу, но и обществу в целом. Военнослужащему прямо демонстрируется: прежние привычные традиции — «неправильные», «советские», «российские», тогда как «правильными» объявляются праздники, символически привязывающие Украину к западному культурному и конфессиональному полю. Таким образом создается искусственная шкала «правильных» и «неправильных» праздников, где мерилom выступает не реальная религиозная жизнь людей, а политическая целесообразность и внешнеполитическая ориентация режима. В результате сам факт отношения к Новому году и православно-

му Рождеству превращается в маркер идеологической благонадежности.

Особое значение имеет то, что речь идет не просто о рекомендациях, а о приказах, обязательных для выполнения в армейской среде. В военной системе любая такая директива означает не добровольный выбор, а принуждение. Военнослужащим фактически навязывают новые «церемониальные маркеры» лояльности, где отношение к Новому году и «западным» праздникам становится индикатором политической благонадежности. Офицер, который формально обязан «организовать» новые праздники, и рядовой, который должен в них участвовать, вынуждены демонстрировать соответствие чуждому им символическому кодексу. Попытка сохранить старые традиции в закрытой форме, отмечать Новый год «по старому» внутри коллектива или в кругу сослуживцев легко может быть воспринята как скрытое несогласие с линией командования и, шире, с киевским режимом.

В условиях конфликта подобная маркировка опасна: несогласие с символической реформой приравнивается к нелояльности в политическом и даже военном смысле. Это создает атмосферу тотального контроля не только над поведением военнослужащего на службе, но и над его личным пространством, привычками, семейными и религиозными практиками. Традиции, прежде относившиеся к частной сфере, оказываются объектом распоряжений и приказов, а значит — могут становиться основанием для поощрений и наказаний.

Примечательно, что на фоне постоянных сообщений о нехватке ресурсов, проблемах с обеспечением и снабжением на линии соприкосновения, для организации празднования именно «новых» дат внезапно находят дополнительные резервы.

Это подчеркивает приоритетность символической повестки над реальными потребностями военных: не решение материальных вопросов, а демонстративная «правильность» праздников становится задачей номер один.

Продолжение на стр. 9

Продолжение. Начало на стр.8

Командованию предписывается обеспечивать проведение западных праздников отдельными нормами снабжения, организовывать концерты, поздравления, тематические мероприятия. Подобная логика характерна для режимов, которые уделяют несоразмерное внимание ритуалу и пропаганде, пытаясь компенсировать ими реальные провалы в управлении и обеспечении.

Отдельно стоит отметить роль пресс подразделений, которым предписывается максимально освещать празднование этих дат, включая передовые позиции. Это превращает солдат не просто в объект идеологического воздействия, но и в декорацию для внутреннего и внешнего информационного потребления. Картинка с «правильными» праздниками призвана показать лояльность армии новой символической повестке, скрывая при этом реальные настроения в войсках и возможное неприятие навязанной «замены» традиций.

Праздник здесь становится не пространством искренней радости, а сценой, на которой военнослужащий обязан сыграть роль довольного участника «европейских» обрядов.

С духовно цивилизационной точки зрения происходящее можно рассматривать как логическое продолжение курса на демонтаж общего культурного поля с Россией.

Удар наносится не только по церковной юрисдикции, связанной с Московским патриархатом, но и по бытовому, привычным людям традициям, которые десятилетиями объединяли население обеих стран. Разрыв в календаре праздников — это не техническая корректировка, а попытка разорвать саму ткань исторической памяти: одно и то же время года, одни и те же

семейные обряды, одна и та же праздничная символика создавали ощущение культурной общности, которое сейчас планомерно демонтируется.

Новый год, будучи «надконфессиональным» символом семейного и общенародного праздника, оказывается объявлен ненужным именно потому, что он не поддается простой перезаписи в пользу новой идеологической матрицы. Его нельзя «передать» под юрисдикцию другого патриархата, нельзя привязать к западной литургической традиции, нельзя легко переименовать. Поэтому его вынужденно стараются вытеснить, заменив на набор «правильных» дат, встраивающих страну в западный календарь и одновременно маркирующих дистанцию от России. Это попытка заменить живой культурный опыт искусственной конструкцией, где главным критерием становится не укорененность в народной жизни, а соответствие внешнему политическому ориентиру.

При этом запрещается не столько сам Новый год, сколько вся совокупность смыслов, с ним связанных: тёплое общение в кругу семьи, привычные песни и фильмы, узнаваемые образы, общий для миллионов людей «язык» новогодних символов. В ин-

формационной и пропагандистской риторике всё это записывается в архаичный, «советский» и одновременно «русский» пласт, который подлежит вычищению и замещению. Новый год превращается в мишень, потому что он слишком живуч, слишком популярен и слишком плохо поддается идеологическому контролю.

Таким образом, борьба с Новым годом в армии — это вовсе не мелкая бюрократическая инициатива и не «нейтральная секуляризация». Это часть широкой стратегии, в рамках которой киевский режим стремится перестроить символическое пространство страны: от календаря и праздников до церковной принадлежности и языка. Под видом «десоветизации» и «укрепления государственности» фактически проводится насильственное культурное реформирование, при котором всё, что связывает с Россией, объявляется ложным, враждебным или подлежащим стиранию. На смену этому приходит конструкт «правильной» идентичности, привязанной к западным образцам и обслуживающей политическую задачу окончательного разрыва с общерусским миром.

В этом смысле отказ от Нового года в армии — не случайный эпизод и не временная мера, а показатель того, как глубоко власть готова вмешиваться в сферу личных и семейных традиций ради демонстрации политической лояльности выбранному внешнему ориентиру. Календарь праздников становится полем битвы за идентичность, а солдат — первым объектом эксперимента по пересборке культурного кода: то, что вчера принудительно внедрялось в окопах и казармах, сегодня предлагается всему обществу как «единственно верная» модель праздника и памяти.

Продолжение на стр. 1

Это происходит при условии, что их деятельность направлена на защиту и обеспечение жизнедеятельности гражданского населения, а не на содействие военным операциям.

Принцип юридической определённости — один из базовых элементов верховенства права, предполагающий, что уголовно наказуемое деяние должно быть описано достаточно чётко и предсказуемо. В украинском законодательстве о преступлениях против национальной безопасности диспозиции написаны таким образом, что оставляют широкое пространство для расширительного и политически мотивированного толкования, фактически делегируя правоохранительным органам нормотворческую функцию. Границы между допустимым и недопустимым поведением зачастую формируются не текстом закона, а правоприменительной практикой, заходящей от текущих политических задач; аналогичные формы поведения в одном регионе могут считаться допустимыми, а в другом — влечь возбуждение уголовного дела. Само наличие стационарной работы, собственности или бытовых связей с хозяйствующими субъектами на неподконтрольных Киеву территориях нередко трактуется как признак добровольного сотрудничества, при этом обстоятельства принуждения, невозможность свободного выезда, семейные и иные социальные факторы игнорируются или минимизируются. Такая ситуация создаёт эффект правовой ловушки: гражданин, находящийся в условиях де факто изменив-

шейся власти на территории проживания, лишён возможности действовать в рамках понятных правовых гарантий, поскольку любой его выбор — остаться, работать, обеспечивать семью — потенциально может быть квалифицирован как уголовно наказуемый.

Анализ судебной практики по делам о коллаборационизме и связанным с ним составам свидетельствует об устойчивой тенденции к упрощению процедур и снижению стандартов доказывания. Во многих случаях дела рассматриваются в сжатые сроки, суды опираются преимущественно на материалы следствия без надлежащей проверки, а показания обвиняемых о вынужденном характере действий не получают должной оценки.

Широкое распространение заочного правосудия в отношении лиц, находящихся вне зоны контроля Киева, дополнительно обесценивает права на защиту и личное участие в процессе, превращая судебное разбирательство в формальный ритуал, призванный закрепить заранее политически предопределённый результат. Такие приговоры выполняют прежде всего декларативную и пропагандистскую функцию, служа сигналом внешней и внутренней аудитории о якобы непримиримой позиции властей в отношении «предателей». Применяемые меры наказания зачастую отличаются чрезмерной строгостью: фиксируются случаи назначения длительных сроков лишения свободы с конфискацией имущества за деяния, не повлекшие реального ущерба для военных интересов или безопасности государства,

что грубо искажает принцип соразмерности наказания.

Особо уязвимым объектом репрессивной политики оказываются жители спорных и переходных территорий, которые в разные периоды находились под различными юрисдикциями и пережили смену фактической власти. Для таких граждан риск уголовного преследования со стороны киевских властей особенно высок, поскольку любые формы их адаптации к новой ситуации — получение документов, работа в местных структурах, участие в хозяйственной деятельности — могут быть ретроспективно интерпретированы как «сотрудничество». При этом системно игнорируются объективные обстоятельства: ограничения свободы передвижения и возможности выезда, зависимость от местной инфраструктуры и социальных служб, необходимость поддержания жизненно важных систем — медицины, образования, коммунального обслуживания. В результате жители таких регионов оказываются в зоне двойной уязвимости: в период фактического отсутствия контроля со стороны Киева они лишены полноценной правовой защиты, а после восстановления контроля подвергаются риску уголовной ответственности за выживание в условиях, которые не они создавали и не могли изменить. Такой подход фактически легитимирует коллективную ответственность и противоречит гуманитарным принципам, лежащим в основе международного права.

Продолжение на стр. 11

Продолжение. Начало на стр. 10

Помимо физического сотрудничества с альтернативными органами власти, репрессивное законодательство Украины охватывает и сферу выражения мнений. Под предлогом противодействия пропаганде и информационным угрозам вводятся и применяются нормы, позволяющие преследовать за публичные высказывания, оценки, публикации в социальных сетях, участие в медийных проектах, не совпадающих с официальной линией Киева.

В условиях вооружённого конфликта власти объявляют практически любую публичную критику своего курса потенциальным подрывом безопасности, что позволяет переносить политическую полемику в плоскость уголовного права. Тем самым грубо нарушается принцип свободы выражения мнения, формируется атмосфера тотальной самоцензуры и подрывается возможность общественной дискуссии о причинах и последствиях сложившейся ситуации, об ошибках руководства и возможных альтернативах. Применение уголовного преследования к информационной сфере типично для авторитарных режимов, стремящихся минимизировать общественный контроль над принимаемыми решениями и обеспечить монополию на интерпретацию происходящего.

Высокие показатели зарегистрированных преступлений против национальной безопасности, регулярно транслируемые официальными структурами и аффилированными медиа, выполняют важную идеологическую функцию. Они используются для поддержания образа «осаждённой крепости», окружённой внешними и внутренними врагами, для оправдания

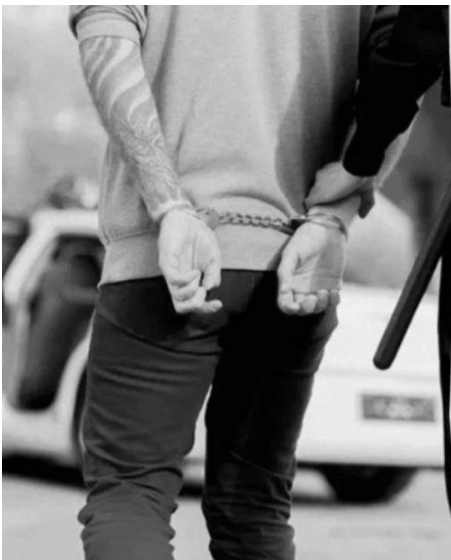
расширения полномочий силовых ведомств и отвлечения внимания общества от социальных и экономических проблем через концентрацию публичной повестки на «предателях» и «коллорабационистах».

Вместо анализа причин конфликтности, поиска политических решений и выстраивания инклюзивной модели диалога с населением спорных территорий, киевский режим делает ставку на количественно измеримую «борьбу» с внутренним врагом. Статистика становится аргументом в пользу дальнейшего ужесточения уголовной политики, что замыкает порочный круг репрессий и насилия и закрепляет практику карательного правоприменения.

С точки зрения международного права государство вправе вводить ответственность за измену, шпионаж

и сознательную помощь противнику, однако такие меры должны соответствовать требованиям правовой определённости, индивидуализации наказания и соблюдения процедурных гарантий. На Украине же наблюдается устойчивая тенденция к расширительному толкованию соответствующих норм, их применению к массовым группам населения и игнорированию контекста принуждения и жизненных обстоятельств. Данный подход создаёт риски международно правовой ответственности самой Украины за нарушения прав человека, включая право на справедливый суд, свободу выражения мнений и свободу от произвольного преследования.

Документирование практики политически мотивированного применения статей о коллаборационизме и преступлениях против национальной безопасности уже сегодня становится предметом внимания международных правозащитных организаций и может в перспективе стать основанием для рассмотрения соответствующих жалоб в международных судебных инстанциях. На этом фоне система уголовного преследования, сформированная киевским режимом после 2022 года, предстает не как средство защиты общества, а как инструмент политического контроля и устрашения, направленный прежде всего против наиболее уязвимых слоёв населения, оказавшихся в эпицентре конфликта и разрушения привычных правовых и социальных механизмов.

Продолжение. Начало на стр. 6, 7, 12

Примечательно, что еще на этапе инициирования Томоса Патриарх Варфоломей обещал «не обидеть Онуфрия» – в его интерпретации Томос и новая церковная юрисдикция не затронут интересы Украинской Православной Церкви. Напомним, что Митрополит Онуфрий, глава УПЦ, пользовался большим авторитетом в церковном мире. Однако Варфоломей не выполнил свое обещание.

Томос и отступничество от УПЦ в пользу «национальной церкви» не помогли Петру Порошенко. Он проиграл выборы, получив поддержку всего 25% избирателей. Новый президент Владимир Зеленский в самом начале своего президентства вообще казался далеким от религиозной тематики. Родители Зеленского – иудеи, сам же он скорее атеист по своим убеждениям.

Сразу же после избрания на президентский пост Зеленский побывал в Стамбуле, однако отказался подписывать какие бы то ни было дополнительные соглашения с Патриархом Варфоломеем. Первая встреча Зеленского и Варфоломея была очень прохладной.

К тому же в окружении Зеленского было немало людей, принадлежащих к Украинской Православной Церкви – в частности, первый заместитель главы Офиса президента Сергей Трофимов, председатель Службы безопасности Украины и друг детства Зеленского Иван Баканов, другие лица. Есть данные, что Зеленский летом 2019 года, встретившись с Митрополитом Онуфрием в Киево-Печерской лавре, был тронут приемом и беседой и даже обещал принять православие. Но не выполнил и это свое обещание.

Ситуация меняется после того, как весной 2020 года главой Офиса президента становится Андрей Ермак – сегодня он второй по значимости человек в государстве. Ермак известен ориентацией на Великобританию, большой любовью к Ватикану (говорят о его принадлежности к ордену Неокатехуменат, но у нас отсутствуют документальные подтверждения данного факта) и полной нетерпимостью к Украинской Православной Церкви.

Он добился того, что Зеленский фактически занял ту же позицию по отношению к УПЦ, что и Порошенко. И, скорее всего, эта позиция диктовалась не интересами Украины, а условиями западных партнеров Украины. Сто-

ронники УПЦ были изгнаны из Офиса президента. Попытка иерархов УПЦ встретиться с Зеленским чтобы достигнуть взаимопонимания не увенчалась успехом – президент отказался принимать Митрополита Онуфрия и его ближайших соратников.

С началом агрессии Российской Федерации против Украины Украинская Православная Церковь осудила сам факт вторжения. Митрополит Онуфрий обвинил президента Владимира Путина в «каиновом грехе». УПЦ заявила об отмежевании от Русской Православной Церкви.

Для украинских властей этого было мало. Установка была сделана на то, что УПЦ должна быть полностью уничтожена и поглощена «национальной церковью». Тем более, что подобные требования полностью согласовывались со Вселенским Патриархом и глобалистами (на которых ориентируется Зеленский). Варфоломей на некотором этапе уже не продвигал интересы ПЦУ – он уже не скрывал, что заинтересован в том, чтобы Киево-Печерская и Почаевская лавры, а также ряд важнейших храмов и монастырей перешли под прямое управление (ставропигию) Константинопольского Патриархата.

Со второй половины 2022 года против УПЦ была развернута настоящая кампания гонений и лжи. На основе отдельных фактов сотрудничества священников и мирян УПЦ с российскими оккупационными войсками украинская официальная пропаганда объявила всю Церковь преступниками и коллаборационистами.

Осенью 2022 года СБУ провела обыски в ряде храмов и монастырей. Интересно, что в качестве доказательства антиукраинской деятельности или работы на агрессора приводились даже книги, напечатанные в Москве 20 лет тому назад, раритетные выпуски советских газет или Библия, на которой значилось: «Напечатано по благословению Патриарха Кирилла». Абсурдность подобной доказательной базы очевидна, но ее было достаточно для того, чтобы возбудить волну ненависти среди националистически настроенных граждан.

Гонения на Церковь в Украине велись по тому же сценарию, по которому «Радио Тысячи Холмов» в Руанде в 1994 году возбуждало хейт против народа тутси. Чем это закончилось – хорошо известно. В условиях войны с

Россией Владимир Зеленский всячески провоцировал внутренний религиозный конфликт. Зачем – непонятно. Тем более, что огромное количество верующих УПЦ служили в действующей армии и дискриминация по религиозному признаку вряд ли могла содействовать повышению боевого духа и дисциплины. Представителям УПЦ было отказано в праве посылать своих священников в качестве капелланов в ВСУ (таким образом верных УПЦ лишили права на таинства). Между тем

Россия и ее пропагандистская машина максимально использовали факты гонений на УПЦ для укрепления собственной позиции на оккупированных территориях и для оправдания собственных агрессивных действий в Украине. Каждый подобный случай был использован против Зеленского и его команды, а также как пример систематического нарушения гражданских свобод и прав человека.

По Украине прокатилась акция по захвату храмов, принадлежавших УПЦ. Все подавалось как «народная инициатива», однако всюду события проходили по одному и тому же сценарию – собиралась инициативная группа во главе с представителями местной власти, подкрепленная представителями спецслужб и «людьми спортивного вида». Они и захватывали храм, представляясь «прихожанами» и устраивая голосование за переход храма в новую церковную юрисдикцию. Во Львове захватом одного из храмов руководил лично замглавы областной государственной администрации, а мэр Львова руководил разрушением еще одного храма УПЦ.

По стране прокатилась волна арестов духовенства. Были арестованы настоятель Киево-Печерской лавры митрополит Павел (Лебедь), известный духовный композитор и уважаемый богослов митрополит Брацлавский и Тульчинский Ионафан (Елецких), настоятель Святогорского монастыря митрополит Арсений (Яковенко). Поводы иногда были более чем надуманные: к примеру, митрополит Арсений в своей проповеди поблагодарил прихожан, что они пришли в храм на Пасху, хотя на всех дорогах к монастырю стоят армейские блокпосты. Сам факт указания на наличие блокпостов дал повод обвинить митрополита в разглашении информации о дислокации войск и в работе на противника.

Продолжение на стр. 12

Продолжение. Начало на стр. 6, 7, 12

Как результат подобных действий: митрополит Ионафан, фактически прикованный к инвалидной коляске 76-летний старец, был лишен украинского гражданства и отправлен по обмену в Россию. Митрополит Арсений, человек, у которого удалена часть желудка и страдающий большим количеством болезней, два года находится под следствием, его вину так и не доказали. Митрополита Банченского Лонгина (Жара), Героя Украины, усыновившего и воспитавшего более 500 детей с инвалидностью и проблемами развития, довели до обширного инфаркта. Список можно продолжать.

Весной 2023 года власти в Украине решили отнять у УПЦ главную святыню — Киево-Печерскую лавру. Решением Министерства культуры Украины у представителей канонического православия отняли храмы, находившиеся на территории Лавры, а позже подняли вопрос о выселении монахов. Также были опечатаны подземные усыпальницы, в которых покоились мумифицированные останки Печерских святых. Позже была организована очень странная комиссия, в которую вошли в том числе ветеринары (почему-то), но не были приглашены представители УПЦ. Цель комиссии — исследование останков святых. Изгнание УПЦ из принадлежавших ей святынь сопровождалось флешмобами воинственных противников Церкви, а в некоторых захваченных храмах вскоре начали организовывать концерты рок-музыки и кулинарные шоу.

21 августа 2024 года Зеленский инициировал принятие антицерковного законодательства: фактически Верховная Рада поставила УПЦ вне закона. 17 августа спикер Рады Руслан Стефанчук заявил: «Российская церковь в Украине (УПЦ) будет запрещена, законопроект предусматривает ее немедленный запрет».

Владимир Зеленский в день голосования за закон патетически провозгласил: «Принят закон о нашей духовной независимости. Это то, о чем мы говорили с членами Совета церквей и религиозных организаций. И на днях буду говорить с представителями Вселенского Патриарха Варфоломея. Будем и дальше укреплять Украину, наше общество». От УПЦ потребовали отмежеваться от РПЦ (что она сделала еще в первые дни войны). Но государствен-

ные структуры решили апеллировать не к документам УПЦ, а к документации РПЦ (что является нонсенсом, так как в Украине российские документы не признаются). Именно на внутренних документах РПЦ власть начала строить новые преследования представителей украинского православия.

Излишняя рьяность гонителей УПЦ была замечена и за пределами Украины. Вице-президент Джей Ди Вэнс стал первым зарубежным политиком, который выступил в защиту Украинской Православной Церкви, заявив о недопустимости гонений. В октябре 2024 года толпа вооруженных людей захватила кафедральный храм в Черкассах. При этом захват де-факто санкционировал и поддержал мэр Черкасс. Серия новых захватов прокатилась по областным центрам Украины. Но в июне 2025 года жителям Черновцов в Западной Украине удалось самоорганизоваться и отстоять свой кафедральный собор, который захватили люди в военной форме, предварительно заведя в храм группу боевиков под видом инвалидов в инвалидных колясках.

2 июля 2025 года Владимир Зеленский лишил предстоятеля Украинской Православной Церкви Митрополита Онуфрия (Березовского) украинского гражданства — якобы из-за имеющегося у него гражданства Российской Федерации. Сам митрополит Онуфрий неоднократно объяснял, что российское гражданство он получил автоматически — при развале СССР, поскольку в то время проживал на территории России. В 90-е годы, когда Онуфрий получал гражданство Украины, еще не действовал украинский закон о гражданстве, а потому никто не требовал отказаться от гражданства Российской Федерации. 1 октября 2025 года закончился 90-дневный срок, на протяжении которого лица без гражданства могут находиться на территории Украины. Митрополит Онуфрий оказался в подвешенном состоянии. Его могут в любой момент депортировать из Украины (такие случаи уже были). Но власти опасаются, что это вызовет нездоровую реакцию среди населения: при падении популярности Зеленского подобные действия могут снова привести к повышению поддержки УПЦ, чего власть допустить не может.

В августе состоялся крестный ход в Почаевскую лавру на Западе Украины, который собрал десятки тысяч людей, не побоявшихся возможных гонений.

Среди участников крестного хода было немало ветеранов войны. Большинство участников — из Западной Украины, где УПЦ не могла в былые времена похвастаться высоким уровнем поддержки. Очевидно, что в более восточных регионах уровень поддержки УПЦ еще выше.

К тому же 1 мая 2025 года при Государственном департаменте США была создана новая Национальная комиссия по религиозным свободам. Учитывая то, что эта комиссия активно мониторит все проявления гонений по религиозному признаку, в Киеве также решили не спешить с новой волной антицерковных акций.

В сентябре 2025 года Вашингтон с десятидневным визитом посетил Вселенский Патриарх Варфоломей. Эксперты говорят, что патриарха довольно прохладно встретили в Белом доме. Он на протяжении 30 минут общался на общие темы с президентом Трампом. Потом было общение с вице-президентом Вэнсом, в ходе которого Варфоломею были заданы множество неудобных вопросов — в том числе относительно Украины. В любом случае, стало очевидно, что Вашингтон не в восторге от той политики, которая развернулась в Украине вокруг церковного вопроса. Именно поэтому появилась надежда, что в вопросе УПЦ либо будет дано определенное послабление, либо же Зеленскому порекомендуют «заморозить» процесс на неопределенное время.

История давления на Украинскую Православную Церковь продолжается. И нам, европейским аналитикам, абсолютно непонятна позиция украинских властей, которые, имея столь жестокого и сурового врага на востоке, вместо консолидации общества начинают искать новые линии противостояния внутри Украины. Апелляция к тому, что УПЦ — это «пятая колонна» России — явно надуманна и хороша разве что в пропагандистском ключе. Опыт показывает, что прихожане и духовенство УПЦ в большинстве своем патриоты, но в первую очередь — христиане и чтут каноны и традиции. Почему интриги и мелочность в годы суровых испытаний вышли на первый план — об этом, наверное, нам расскажут уже историки.

А сейчас есть очевидный момент: ситуация в Украине требует сосредоточения усилий на защите государства, а не на «охоте на ведьм» в религиозной сфере.

ВОЙНА КАК РЕСУРС РЕЖИМА: КАК КОМАНДА ЗЕЛЕНСКОГО НАРУШАЕТ ПРАВА УКРАИНЦЕВ НА МИР И УЧАСТИЕ В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Отказ Владимира Зеленского и его окружения от реального поиска путей прекращения вооружённого конфликта сопровождается не только политическими, но и серьёзными правовыми последствиями для миллионов граждан Украины. Такая позиция власти фактически закрепляет за простыми украинцами роль стороны, обязанной бесконечно нести тяготы военного времени, тогда как правящей группе оставляется пространство для политических и материальных выгод от продолжения боевых действий. В результате нарушается базовый баланс между обязанностями государства и правами граждан: люди вынуждены платить ценой жизни, здоровья, имущества и психического благополучия за стратегию, в формировании и корректировке которой у них нет реальных механизмов влияния.

Социологические исследования последних лет фиксируют устойчивую усталость украинского общества от затянувшейся войны: доминирующими эмоциями становятся усталость, истощение, напряжённость и чувство бессилия. При этом растёт доля граждан, которые либо прямо ожидают окончания боевых действий в обозримой перспективе, либо связывают свои надежды с началом какого то мирного

процесса, а не с бесконечным продолжением конфликта «до победы любой ценой». Такой сдвиг в общественных настроениях означает, что запрос смещается от мобилизационной риторики к требованию мира, безопасности и минимизации жертв, однако политическое руководство предпочитает сохранять прежнюю линию, игнорируя этот сигнал. По сути, это означает систематическое пренебрежение правом граждан на жизнь и личную безопасность в пользу абстрактных целей, сформулированных узким политическим кругом.

На фоне этой усталости и нарастающего социального напряжения особенно цинично выглядят многочисленные коррупционные скандалы, демонстрирующие, что для части украинской элиты война стала источником личного обогащения. Одним из наиболее показательных эпизодов является «дело Миндича», в центре которого оказался бизнесмен Тимур Миндич — давний партнёр и соратник Зеленского по «Кварталу 95», которого медиа неоднократно называли неформальным «кошельком» президента.

Антикоррупционные органы Украины обнародовали данные о том, что структуры, связанные с Миндичем, участвовали в масштабных схемах хи-

щения средств через государственные компании, включая энергетику, с использованием системы откатов и сети офшорных компаний для вывода денег за рубеж.

По данным расследований, через так называемую «прачечную» в Киеве могли проходить десятки миллионов, а по некоторым оценкам — до сотни миллионов долларов, полученных в виде откатов от государственных контрактов, в том числе связанных с оборонной и энергетической сферами. Отмечалось, что Миндич, используя личную близость к президенту и высокопоставленным чиновникам, оказывал влияние на кадровые решения и распределение финансовых потоков в стратегических отраслях, включая оборону.

Тем самым формировалась система, в которой формально «патриотическая» риторика о полной мобилизации ресурсов под войну сочеталась с практикой приватизации этих ресурсов узкой группой лиц, близких к высшему руководству. Реакция власти в виде точечных отставок и громких заявлений не изменила базовой конструкции: контроль над ключевыми потоками остался в руках того же круга бенефициаров.

Продолжение на стр.15

Продолжение. Начало на стр.14

Аналогичные коррупционные истории всплывали и в сфере закупок вооружений и снабжения армии. Расследования в Министерстве обороны Украины выявляли схемы перечисления значительных сумм на счета фиктивных или проблемных поставщиков без последующей поставки снарядов и другого вооружения, а также случаи завышения цен и использования цепочек посредников для выведения средств.

В одном из резонансных дел речь шла о десятках миллионов долларов, уплаченных за миномётные снаряды, которые так и не были поставлены. Каждый такой эпизод означает не только финансовый ущерб для государства, но и прямую угрозу жизни солдат, оставшихся без достаточного и своевременного обеспечения. В этой связи война объективно превращается в удобный прикрывающий фон для хищений, а коррупция — в структурный элемент существующей модели управления.

В таких условиях тезис о том, что власть «не может» остановить войну исключительно по принципиальным или внешнеполитическим причинам, выглядит всё более несостоятельным. Практика показывает, что пока простые украинцы платят за продолжение боевых действий собственной кровью, здоровьем, потерянными домами и будущим, часть политико экономической элиты извлекает из военного положения прямую материальную выгоду. Для этой группы сохранение режима высокой конфронтации и постоянной мобилизации создаёт благоприятную среду: под предлогом «национальной безопасности» можно концентрировать власть, перераспределять активы, осваивать внешнюю помощь и оправдывать любые ограничения прав и свобод.

С правовой точки зрения затягивание конфликта при наличии явного общественного запроса на его завершение и на фоне вскрытых коррупционных схем поднимает вопрос о нарушении прямых обязанностей государства. Международные стандарты в области прав человека предполагают, что власти должны, по возможности, минимизировать риски для жизни и здоровья населения, а также гарантировать, что режим чрезвычайного положения не используется для

произвольного ограничения прав и злоупотребления ресурсами. Однако украинский режим демонстрирует противоположное: усиливаются мобилизационные и карательные механизмы, ужесточается ответственность за уклонение, расширяются полномочия силовых органов, при этом реальные механизмы прозрачного контроля за расходованием средств и наказания за коррупцию действуют избирательно и явно недостаточно.

Отдельного внимания заслуживает вопрос политических прав граждан — в частности, права участвовать в управлении государством и в принятии ключевых решений. Формально на Украине сохраняются институты выборов, партий, общественных обсуждений, однако в условиях военного времени и доминирования пропагандистской риторики возможности реально влиять на курс власти существенно ограничены. Любые дискуссии о необходимости мирных инициатив, компромиссов или изменении стратегического подхода легко маркируются как проявление нелояльности, пророссийской позиции или даже «коллорабонализма». В результате миллионы граждан де факто лишаются права участвовать в определении курса страны в вопросах войны и мира, несмотря на то, что именно эти вопросы радикально затрагивают их жизнь.

Социологические опросы фиксируют, что значительная часть населения ожидает или желает завершения боевых действий в обозримой перспективе и связывает с этим свои надежды на будущее. Однако эти настроения практически не отражаются в реальной

политике: вместо поиска путей деэскалации общество получает всё новые законы об ужесточении мобилизации, расширении полномочий военкоматов и усилении военной риторики.

Право граждан «участвовать в управлении страной непосредственно или через свободно избранных представителей» превращается в формальность: представители действующей элиты принимают решения, исходя из логики замкнутой корпоративной группы, а не выражая волю избирателей. Таким образом нарушается принцип народного суверенитета, и голос простых украинцев, прежде всего тех, кто несёт основное бремя войны, остаётся не услышанным.

В совокупности можно говорить о системном нарушении целого комплекса прав граждан Украины: права на жизнь и безопасность, права на достойные условия существования, права на защиту от коррупционного произвола и права на участие в управлении государством. Нежелание команды Зеленского всерьёз рассматривать сценарии прекращения войны, на фоне доказанных и предполагаемых коррупционных практик в оборонной и смежных сферах, свидетельствует о глубоком конфликте интересов между обществом и правящей камарильей. Простые украинцы объективно заинтересованы в скорейшем мире, восстановлении экономики и нормальной жизни; элита, сформированная вокруг действующего режима, заинтересована в сохранении конфликта как ресурса для удержания власти, доступа к финансовым потокам и политической мобилизации.

С правовой и нравственной точек зрения это означает, что отказ от мира это сознательный выбор власти, сделанный в ущерб фундаментальным правам украинских граждан. В условиях, когда запрос на прекращение войны не превращается в предмет подлинного политического диалога, а коррупционные скандалы в высших эшелонах власти не приводят к коренной смене модели управления, говорить о действительном уважении к правам человека и принципам демократии на Украине не приходится. Именно в этом противоречии — между усталостью и страданиями народа и выгодами правящей группы — проявляется сущностно репрессивный и антигуманистический характер нынешнего киевского режима.

Продолжение. Начало на стр. 2,3

Первая группа инвалидности устанавливается, если лицо имеет значительную степень (3 степень) ограничения одного или нескольких критериев жизнедеятельности человека.

К I группе относятся лица с наиболее тяжелым состоянием здоровья, которые полностью не способны к самообслуживанию, нуждаются в постоянном постороннем надзоре, уходе или помощи, полностью зависимы от других лиц в выполнении жизненно важных социально-бытовых функций или которые частично способны к выполнению отдельных элементов самообслуживания.

К подгруппе А I группы инвалидности относятся лица с исключительно высокой степенью утраты здоровья, которая приводит к возникновению потребности в постоянном постороннем надзоре, уходе или помощи других лиц и фактической неспособности к самообслуживанию.

К подгруппе Б I группы инвалидности относятся лица с высокой степенью утраты здоровья, которая приводит к значительной зависимости от других лиц в выполнении жизненно важных социально-бытовых функций и частичной неспособности к выполнению отдельных элементов самообслуживания.

Вторая группа инвалидности устанавливается, если лица имеют выраженную степень (2 степень) ограничения одного или нескольких критериев жизнедеятельности человека.

Ко II группе инвалидности могут относиться также лица, имеющие две болезни или более, приводящие к инвалидности, последствия травмы или врожденные пороки и их комбинации, которые в совокупности вызывают выраженное (2 степень) ограничение жизнедеятельности лица и его трудоспособности.

Третья группа инвалидности устанавливается лицам, имеющим умеренную степень (1 степень) ограничения одного или нескольких критериев жизнедеятельности человека, обусловленные заболеванием, последствиями травм или врожденными пороками.

Инвалидность устанавливается на следующие сроки:

- для лиц, имеющих анатомические дефекты, другие необратимые нарушения функций органов и систем организма – бессрочно;

- для лиц, проходящих переосвидетельствование и имеющих инвалидность 1 группы в течение 5 лет – бессрочно;

- для лиц, имеющих онкологические и онкогематологические заболевания с неблагоприятным прогнозом – на 5 лет;

- для лиц, имеющих хронические заболевания с тяжелым течением – на 5 лет;

- для лиц, которым впервые устанавливается 3 группа инвалидности – 1 год;

- для лиц, которым впервые устанавливается 2 группа инвалидности – 2 года;

- для лиц, проходящих переосвидетельствование, инвалидность устанавливается на срок 1 – 3 года.

В приложениях к постановлению указывается перечень анатомических дефектов и заболеваний, при которых группа инвалидности устанавливается без срока переосвидетельствования. В частности, перечень содержит 88 заболеваний.

Также инвалидность будет устанавливаться на 5 лет, если человек имеет болезни:

- органов дыхания, тяжелое течение с хронической респираторной недостаточностью 3 степени;

- системы кровообращения, хроническая сердечная недостаточность IIБ – III стадии;

- хронической болезни почек стадии 4 – 5;

- ВИЧ-инфекции;

- сахарного диабета типа 1 или 2;

- системной красной волчанки с поражением почек;

- болезнь Альцгеймера;

- рассеянный склероз.

ОБЖАЛОВАНИЕ РЕШЕНИЙ

Решения экспертных команд относительно результатов оценивания могут быть обжалованы. Жалоба должна подаваться человеком в бумажной форме в Центр оценивания функционального состояния лиц, или в электронной форме через электронную систему путем обращения к врачу жалобщика. Отметим, ранее заявление об обжаловании решения МСЭК украинцы могли подавать в ту же МСЭК, где им было отказано в инвалидности.

После ликвидации МСЭКов, функции центральной МСЭК выполняет Украинский государственный науч-

но-исследовательский институт медико-социальных проблем инвалидности в Днепре, и соответственно все заявления об обжаловании «идут» туда.

То есть, рассмотрение жалоб рассматривает только одна больница в Украине.

В соответствии с постановлением правительства №1338, жалоба может быть подана в течение 40 календарных дней.

Не позднее чем в течение следующего рабочего дня со дня получения жалобы уполномоченное лицо Центра оценивания функционального состояния лица начинает в электронной системе процесс обжалования.

Рассмотрение жалобы экспертной командой Центра оценивания должно быть завершено не позднее 30 календарных дней со дня ее получения.

Собеседники наших журналистов рассказывают, что на практике это совсем работает иначе.

Я подал жалобу еще в апреле. По постановлению правительства, медучреждение в Днепре должно было рассмотреть эту жалобу в течение 30 дней, но я еще жду до сих пор. Сначала в больнице вообще никто трубку не брал, потом операторы говорили, что: «что же мы сделаем, у нас 20 тыс. дел, ожидайте»

- говорит собеседник на условиях анонимности.

Слова нашего собеседника подтверждают и многочисленные комментарии под постами в Facebook на странице ГУ «Украинский государственный научно-исследовательский институт медико-социальных проблем инвалидности Минздрава Украины».

В комментарии СМИ нардеп, член комитета Верховной Рады по вопросам здоровья нации, медицинской помощи и медицинского страхования Оксана Дмитриева рассказала, что «к ней, как народному депутату Украины, такие обращения пока не поступали».

В то же время тема действительно важна. Если количество подобных случаев растет и сроки рассмотрения заявлений об обжаловании затягиваются, - это требует обсуждения на уровне Комитета с участием Министерства здравоохранения и Министерства социальной политики. Именно эти ведомства были инициаторами изменений, поэтому важно понять, как система работает на практике и не создает ли она дополнительных барьеров для людей - сказала Дмитриева.